

Живет в Таллинне (Эстония).

* * *

Не простясь...
Не простясь убегает капризное лето
На пуантах дождя.
Город спит, город – скит, город свят до рассвета.
Уходи уходя!

Не махну отсыревшим платочком с балкона
В остывающий след. Не заплачешь и ты.
Холостыми бывают не только патроны,
И разводятся в мире не только мосты.

* * *

Я, кажется, живу...
Возьму сироп кленовый

И старую главу
Перепишу по новой.

Страданий канитель
Смотаю всю, до точки,
И выброшу в апрель
Прогорклые комочки

И свечи уберу,
Притворщицы-монашки,
Уместнее в миру
В подсвечниках ромашки.

На цыпочки привстав,
(Не разбудить бы лиха!)
Я выбегу стремглав,
Нескладная, трусиха,

Смешная... Ну и пусть!
Я понесусь галопом,
Расплёскивая вкус
Кленового сиропа...
Заря.
На небе спело
Заря висела.
День задержался
И ночь успела
Прозрачным мелом
Улыбку сделать
Луне.

А что осталось
Пошло на парус,
Чья тень ажурной
Фатой качалась
И дева яхта
Навек венчалась
Волне.

Я не мешала,
Я не дышала,
Любовь задачки
Свои решала
Она стоять мне
Не разрешала,
А я стою.

Но небо стало
Безумно ало,
Молчанья стало
Безумно мало
И ясно стало,
Что я пропала,
Сейчас спою!...

Майдан

У души нету глотки
для крика и даже для плача,
И не зажмуриться и
не закрыть от удара лица.
Если бы пуля сумела
в полете остановиться!
Или хотя бы смогла
пролететь немного иначе...

Горе. Огромное чёрное горе
над площадью распростёрто.
Болью чёрное небос красной землёй
перемешано в кашу.
-Где тут наши? - Наши?
- Какие тут «наши», к черту!
И пусть мне кто-нибудь объяснит
кто такие «НЕ наши»?...

Ангелы Божьи сбились совсем
и с ног и с толку, бедняги,
Как им теперь сортировать вас
тут, у ворот небесных?
Что привело вас сюда, молодых,
агрессивных, неопытных, честных?
Жажда свободы ? наживы? власти?
Обман? или верность присяге?

Встанете об руку, рядом, длинной шеренгой,
пугающе белой.
Горлом пойдёт осознание страшной,
непоправимой утраты!
Что же ты, мальчик, бросил вниз
своё распростёртое тело?
Тот, кто стрелял в тебя, будет теперь
твоим новым небесным братом...

Видишь, как ваши безумные матери
бьются над вами в истерике?
Жизнь их, бескровная, стала теперь
ещё иллюзорней, чем ваша,
Как их отчаянье цивилизованно
делят Европа с Америкой,
Не забывая при этом хором
скандировать «Russia, Russia»!

Горе всем тянущим на себя
это кровавое одеяло!
Мечущим карты, кидающим кости,
переставляющим фишки,
И допускающим некоторые...
ну, в общем, издержки и излишки,
Во имя «общечеловеческих...»,
которые «во что бы то ни стало»!

Птица-война, распаляясь страданием,
требует новой дани.
Те, кто кормили её до отвала
вашими душами, живы,
И через колено ломают страну,
но, конечно, не ради наживы,
А ради свежее испечённых свобод,
раздаваемых на Майдане!

Ночь горит на кострах
под сатанинский проплаченный гомон.
Горьким бархатом копотит
траурный саван её оторочен.
Кто тут против? Чей тут пропуск
к Господу Богу просрочен?
Жаль, что пуля всё-таки
не смогла пролететь по-другому...

У души нету глотки
для крика и даже для стога,
И не зажмуриться и
не закрыть от удара лица,
Что остаётся вам, мальчики,
здесь по небесным законам?
Только молиться...

